

Елена Королёва

Ветка

Елена Федоровна Королёва

Ветка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711972

ISBN 9785005083555

Аннотация

Если любишь и любима, то беременность не может являться проблемой, даже если тебе двадцать. Но в жизни бывает не всегда все безоблачно. Главное, с чем останешься ты.

Ветка

Елена Федоровна Королёва

© Елена Федоровна Королёва, 2019

ISBN 978-5-0050-8355-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На стекле маршрутки капли дождя чертили свой незамысловатый узор. А в моем городе в это время еще везде снег, и дождя не будет как минимум месяц. Хах, когда я оказалась на берегу моря первый раз зимой я пробовала снег, падающий с неба, я почему-то думала, что он будет соленый, и это в одиннадцатом классе, кошмар.

Тогда я приехала с бабушкой на зимние каникулы на три дня, чтобы узнать о поступлении в университет, самым главным мотивом поездки, была встреча с Вадимом. Я жутко волновалось.

– Я надеюсь, что голову ты не потеряешь, – бабушка обратилась ко мне, когда я пила чай перед встречей.

Бабушка сказала это железным тоном, это точно моя бабушка? Она всегда говорила тихо, и никогда никого не осуж-

дала.

– Баб, конечно, я буду умницей.

Я вышла из частного кирпичного дома. По улице изредка проходили мужчины, потому что только на них я обращала внимание. А вот тот он или не он, я ведь не видела его в куртке. Все мужчины были одинаковые, но я верила, что сердце замрет, когда издали будет идти Вадим, но нет, его я узнала, только когда он подошел ко мне.

– Нормально доехали? – он взял меня за руку, – МЧС штормовое движение передал и трассу закрыли.

– Мы на электричке ехали до города.

Все полгода я мечтала, что вот так он возьмет за руку и будет со мной идти. Только на остановке мы поцеловались. Потом пошли в кино, содержание фильма я не помню, потому что мы занимались тем, о чем я мечтала все это время до встречи – безостановочно целовались и были рядом. Я знала, что завтра у нас еще один день. О предстоящем расставании, мозг думать отказывался.

С утра мы с бабушкой сходили в университет, владелец дома, где мы остановились, преподавал Безопасность жизнедеятельности в моем будущем университете. Все, что я узнала в приемной комиссии, можно было бы узнать из дома. Но я походила по мраморному полу, рассмотрела модель парусника в холле главного корпуса, и поняла, что это единственное место, в котором я хочу учиться.

– Бабуля, я буду благоразумной, – я чмокнула бабушку, –

дома буду в семь.

Впереди целый день вдвоем. Только в этот раз фильм смотреть я не могла. Это было ужасно – Вадим меня целует, а я реву, потому что знаю, что его снова не будет рядом целых полгода.

– Какой подарок ты хочешь? – мы вышли из кино и пошли гулять.

– Я не знаю, ничего не хочу.

Мы подошли к рынку, на зимнем рынке в этом городе я не была ни разу. Все продавали мандарины. Может быть, где-то и продавали другие фрукты, но ничего кроме коробок с разными сортами мандаринов, я не видела.

– Давай, купим? – он потянул меня к прилавку, – маме отвезешь?

– Нам три дня ехать, я не доведу.

– Тогда давай перчатки, смотри какие руки у тебя холодные.

Мы выбирали перчатки, я знаю, что зима у нас еще вся впереди, и расставаться с ними я не буду.

Потом мы ехали в троллейбусе, я надеялась, что нам дадут счастливый билет, но нам его не дали, и жевать грязную бумагу мне не пришлось.

Мы расстались, что бы потом встретиться, голову я не потеряла.

А теперь Я держу в руках телефон. Почему я не спраши-

вала раньше у него про детей? Вдруг он их вообще не хочет. На остановке зашла наша преподавательница по английскому языку, ей было двадцать пять, а она уже по утрам отводит дочку в детский сад, и едет преподавать нам морской английский.

Телефон завибрировал – «Я всегда хотел троих». Улыбку сложно было сдержать, один возможно уже есть. Ну как есть, еще даже тест не делала, с чего я решила, что беременна? По сути даже задержки нет, не тошнит и никаких других медицинских симптомов, но вот внутренний голос говорил: «Ты уже не одна, купи куриную печенку, вам полезно».

Домой я попаду еще не скоро, надо сделать фото, отдать документы для смены паспорта, потом обязательно заехать в магазин, раз я в городе.

Фотографироваться не люблю, особенно на документы – щеки всегда получаются слишком большими, если я не улыбаюсь, волосы, даже если до этого старательно причесывала, торчат в разные стороны, про цвет лица и прыщики можно не говорить.

– Расстегните верхнюю пуговицу на рубашке, – пожилой фотограф явно хотел, чтобы мне все понравилось с первого раза, – зеркало, если что вон там.

Я расстегнула пуговицы, расплела косичку, начесала волосы, слегка улыбнулась – на официальном фото нельзя показывать всю ширину зубного забора. Пару раз щелкнул фотоаппарат, он сел за компьютер и подозвал пальцем.

– Вот смотри, нравится?

– Да.

А мне и правду понравилось, это нормальное фото живого человека. Он убрал покраснения на щеке и сделал губы чуть более розовыми, с такой улыбкой можно стать учредителем конкурса «Мисс добродетельность».

У окошка в паспортный стол стоял мужчина.

– В третье кто последний?

– Я, – он переложил папку с бумагами из рук в руки, – если что передо мной еще четыре человека.

Четыре человека – это мелочи, значит я не задержусь до вечера. Спустя час, я поняла, что радоваться было не чему. Очередь просто стояла. Я вышла из здания через пять часов. Как можно так долго принимать заявление на перевыпуск паспорта? Ну и ладно, я вышла на воздух, мне хотелось дышать и гулять, беременным полезно. Дождь закончился, но с гор бежали ручьи, которые разливались на дороге, приходилось скакать.

Подошла маршрутка, впереди было свободное место. Молодой водитель весело глянул.

– Поехали, покатаемся?

– Спасибо, мне домой надо.

Что за предложения такие? Я же не мартышка, чтоб по городу кататься. Меня дома ждут, да я и сама ни одной лишней минуты не пробуду в городе, без Вадика. В гипермаркете я набрала мяса, овощей и фруктов, все как положено. Вечером

многие заезжают в него, во всех кассах была очередь, искать без людей не представлялось возможным.

– Вам не хватает десяти рублей, – кассирша устало посмотрела на бабушку.

– Подождите, – сухими руками она высыпала монетки из старого пакета из-под молока, – я сейчас поищу.

Я очень хотела домой, и потом, что такое десять рублей для кусочка добра.

– Возьмите, пожалуйста, – я протянула монетку.

Кассирша щелкнула языком, бабушка торопливо отошла в сторону и смущенно кивнула. А я стала собирать продукты в пакет, думая о том, что я сделала вроде хороший поступок, но можно ли его считать хорошим, если я заранее рассчитываю получить ответное добро.

Пакет был тяжелым, не зря говорят, что нельзя ходить в магазины голодными. Я шла на остановку, чтобы доехать до конца города, там меня заберет Вадим. Удивительный город, с одной стороны у него есть только одна дорога для выезда, и можно с точностью до дома сказать, что вот здесь он заканчивается.

До остановки мне оставалось дойти шагов двадцать, когда пакеты кошачьего корма, под давлением остальных продуктов, разрезали полиэтиленовый пакет. Куча продуктов лежали на тротуарной плитке на середине пешеходной дорожки. И что вот с этим делать – другого пакета не было, идти за другим явно не вариант, в моей лавочке каждый най-

дет себе недостающий провиант. Я стояла и улыбалась, мне так хотелось рассмеяться на всю улицу, но тогда точно никто не поможет.

– Ой, у Вас все рассыпалось, – ко мне подошла мама с дочкой моих лет, – Даша, иди, сходи за пакетом.

– Спасибо большое, – я кивнула.

Мама Даши оглядела гору покупок.

– Кошечке купили корм, – она села на карточки и стала сортировать покупки, – у нас тоже все время были котята дома. Надо девочек в садик будить, а жалко. Им подсунешь теплый комочек, они просыпаются, и с улыбкой идут завтракать.

– Кошки, это хорошо, – я переминалась с ноги на ногу, что же еще такое сказать, – спасибо. Я не знала, что делать.

– Да с кем не бывает. Вон она, красная шапочка наша идет.

Даша встряхивала пакет.

– Представляете, там очередь была, – она села на корточки, – не хотели пускать.

Мы втроем собирали продукты, мне стало стыдно за свое обжорство. Я еще раз поблагодарила и пошла на остановку.

– Солнышко, ты где? – Вадим набрал первый, – я уже приехал.

– Я еду уже, – у меня выскользнул телефон под сиденье, – вот черт.

Рукой достать не удалось, пришлось залазить под сиденье полностью, а я так хотела посмотреть на порт. Но меня еще

ждет дорога вдоль моря, когда мы поедem домой.

Ветер под вечер частично расчистил небо от туч, закат подсвечивал город. Если посчитать сколько раз я уже ездила по этой дороге, наберется больше раз, чем дней в году. Дорога была одна, но город в разное время суток был разный. Он вообще был разный, интересно я когда-нибудь стану его частью?

Я вышла на конечной остановке и перебежала дорогу. Вадик рылся в багажнике.

– Ничего у тебя пакетов, – он поцеловал в щеку.

– Поедем, я устала, – я села в машину и стала искать свою любимую песню, – Look, look in the candle light...

Я подпевала как могла, придумывая те слова, которые я не могла разобрать. Самая любимая дорога. Когда приезжают туристы и восхищаются красотами, я их без малого ненавижу. Разве они, приехавшие на несколько недель, могут полюбить эти извивающиеся повороты, манящее море, ожидающие корабли и приплывающих дельфинов? Человек, который любит это, будет здесь жить. А еще я ревновала к морю, иногда мне хотелось сказать в мегафон: «Девушка, с желтым матрасом, немедленно выйдите из воды. Что вы там плещитесь, перестаньте хлопать по воде».

– Как учеба? – Вадим потрепал меня по руке, – я тебе вкусняшек купил.

– На Тусе оснастку судна проходили, – я сделала тише, а какие вкусняшки?

– Не знал, что ты захочешь, – Вадим поудобней устроился на сидение, – поэтому взял попробовать рыбу-луну, твою фасоль в томатном соку и орешки, конечно.

Интересно, а потом когда я закончу учебу, Вадим меня также будет встречать после работы? И мы будем ехать, и петь песни вместе, а справа будет все такое же родное море. Где мы будем жить? Я хотела бы жить в городе, так чтобы окна выходили на море. Лучше – в старом доме, в квартирах, где до нас жили капитаны дальнего плавания со своими семьями. Не хочу жить с его мамой в поселке: я хочу готовить Вадиму, что он хочет; хочу ездить с ним на рыбалки, когда он захочет.

Маргарита Викторовна ушла уже спать – ей завтра в 6 часов утра выходить на работу. Палас на кухне не грел, выполняя декоративную роль,

– Ты опять без носок? – Вадим пошел в коридор. – Тапочки хотя бы надень, с пола холодом тянет.

– Я не хочу, ты же знаешь, что я с детства их не люблю.

Он принес мне тапочки, у меня не оставалось выбора как принять неизбежность с уютными совами.

– Мне кажется, я беременна. Завтра тест возьму. Что будем делать, если да?

– Воспитывать, – Вадик поставил тарелки, – неожиданно. Но я рад. Тебя тошнит?

– Не, просто ощущение такое, – я взяла вилку, – ты не заметил, я другая. Давай еще морскую капусту откроем?

Вадик отломил себе большой кусок белого хлеба, поразительный аппетит и никакого жирка ни в одном месте, полная противоположность меня. Я даже эксперимент ставила – если поем на ночь мясо, то утром поправляюсь на полтора килограмма, может быть жидкость, но потом они не уходят, а оседают на ногах, мне бы метаболизм как у Вадима.

– На вид она специфичная, – я повертела рыбу-луну, – и на запах тоже.

– Не хочешь, тогда чай будем пить.

Я встала за кружками. Мне нравится делать ему чай, насыпать сахар (еще одно отличие – я никогда не пью с сахаром), нести в комнату, ставить кружку и получать заслуженные объятия.

– Сиди, я все сделаю, – он отобрал кружки.

Вадик поставил орешки на стол, ну как не взять один, хотя наверное не надо на ночь, тем более во время беременности вес итак будет быстро набираться, я отдернула руку.

В нашей комнате тускло горела энергосберегающая лампочка, поэтому я всегда выбирала в пользу настольной лампы.

Эту лампу я купила еще в первую осень, мне хотелось создавать уют всеми способами. Мы возвращались из города, и заехали за предохранителями для машины.

– Смотри какая, к обоям подойдет, – я показала на лампу.

– Если хочешь, давай возьмем, – Влад подошел ко мне

с упаковкой цветных квадратиков, – а нам денег хватит до зарплаты?

Я взяла ее вместе с коробкой:

– Хватит, мне мама перевела.

С тех пор, она стала моей самой любимой вещью в комнате, потому что она была моей.

Все в комнате осталось в наследство от сестры Вадима, которая переехала в свой дом по соседству. Мне нравилась зеркальная дверь шкафа, обои в широкую полосу, просторная кровать. Но хозяйкой я себя здесь не чувствовала, я как будто продолжала жить у родителей, или у бабушки, только с любимым человеком.

– Давай сразу спать, – Вадик расправил спину, – смотреть сегодня ничего не будем.

Я тихонько прикрыла дверь и закрыла жалюзи.

– Тсс, – я проскользнула под одеяло, и прижалось к нему ближе, чем для обычного сна.

– Не, вдруг тебе нельзя, – Вадим отстранился, – перевернись, я тебя обниму.

Никогда не было проблем со сном, я всегда отрубаясь, как только касаюсь подушки, не просыпаясь до самого утра. Вот и в этот раз, я поняла что засыпаю, а ведь я хотела полежать и помечтать о будущей жизни втроем.

– Спи, спи, – он уже застегивал рубашку, – ты на учебу не поедешь?

– Там одна пара, – я потянулась, – тем более, сегодня ответственное мероприятие.

Вадим взял китель со спинки стула, подошел ко мне и поцеловал.

– Сразу позвони, как что узнаешь.

Я закрыла глаза, тяжесть сна еще не прошла, но я же не могу отпустить завтракать его одного. Я не хотя встала и накинула халатик из вискозы, доставшейся тоже от сестры Вадима.

– Буду завтракать, – я поежилась от утреннего холода, который шел от пола и стен, – может быть сразу пойти в аптеку?

– Довезти? – Вадик наливал кофе на двоих, – тебе, наверное, нельзя кофеин.

– Потом поем, – я посмотрела в окно, – там солнце, и я буду медленно одеваться, так что едь без меня, не жди.

Весело светило солнце, вот что значит юг – всего лишь середина марта, а уже зелень везде и солнце греет так, что хочется посидеть на лавочке, подставляя разные бочка. Можно ходить в одной ветровке, и ты не замерзнешь, это моя вторая весна, а я все не могу привыкнуть.

Провизор в аптеке была молодая девушка, было немного стыдно покупать тест, но она же как врач, должна хранить тайну. Хотя какая тайна, меня здесь все равно никто не знает.

Сделав все по инструкции, я стала рассматривать полосоочки. Вроде проступила, или нет, или это солнце так падает. Или есть, или она недостаточно розовая.

– Вадик, я не знаю, – я запыхтела в трубку, – не понятно.

– Может быть еще рано?

– Уже можно. Я посмотрела у вас здесь можно кровь сдать на ХГЧ, я пойду схожу.

– Подожди меня, на обеде вместе поедем.

Я стала собираться, недавно купила ботильоны на очень высоком каблуке. Ходить в них было невозможно, но раз мы на машине, то пожалуй можно, я зарылась в шкаф.

Кому-то дано уметь хранить одежду. У меня был хаос, даже если я гладила майки, они становились мятыми, сразу после того, как я искала свитер. С плечиков все падало вниз, и оставалось лежать на коробках, я бы хотела не искать вещи и не гладить их два раза: после сушки и перед выходом.

Больше всего места занимало зимнее пальто, его мне передала Маргарита Викторовна, еще в начале первого курса, когда про холод можно было не вспоминать.

– Смотри, хорошее ведь? – она встряхнула его с плечиков и протянула мне, – померяй, вдруг подойдет.

Я покорно согласилась, вариантов не много, я же не скажу, что такое пальто носила еще моя бабушка, и пахнет оно старым шкафом.

– Тебе так идет этот бутылочный цвет. Повернись, – она

присела на корточки, – только подкоротить надо. Марина выше тебя, ты в нем путаться будешь. А так оно очень теплое, знаешь, какие здесь ветры дуют? Все равно, что нагишом идешь.

От силы я пару раз надела это пальто, оно было тяжелое, даже если у него оставить только рукава, я все равно бы в нем путалась. Но я же понимаю, что мне его дали с самыми лучшими намерениями, чтобы я зимой не ходила голая.

В санатории никого не было, меня сразу позвали в кабинет.

– Подними рукав, – медсестра готовила иголку, – сама то ребенка хочешь?

– Хочу, – я улыбнулась.

– А парень твой? вы не женаты? – она вколола иголку в вену.

– Тоже хочет, – я поморщилась от вида наливающейся крови, – пока нет.

– В понедельник приходи за результатом.

Вадим взял за руку, и мы спустились вниз. Санаторий находился на самом берегу моря, слышно было, как галька ударяется друг о друга.

– Ничего подождем, – Вадик открыл дверь, – нам, если что долго ждать. Хочешь чего-нибудь?

Хотелось, как улитке спрятаться в своем домике и не показывать голову, а просто побыть наедине со своим счастьем.

Все равно, даже ожидание может быть приятным.

Нас встретил Тоша. Он любил всех, кто разрешает ему бегать на свободе, я была не против отпустить, не моя же собака. Пыльными подушками на лапах он испачкал мне юбку, начал тереться своей мордой чуть выше бедра. А вдруг что-нибудь почувствовал? Наша кошка, кстати, тоже что-то знала. Она стала прыгать на мой живот с разбегу, приятно-го мало, приходилось закрывать дверь в комнату, чтобы она не совершала свои набег.

Это была не совсем наша кошка, точнее она сначала была совсем не наша. Однажды ночью я проснулась от того, что у меня над головой кто-то скребется. Я пролежала всю ночь, боясь шевельнуться, а утром спросила у Вадима:

– Ты слышал что-нибудь ночью?

– Слышал, мыши это были.

– Нужна кошка, – я поставила ноги повыше, – они запах почувствуют и убегут.

– Кошка – это не панацея.

– Панацея, давай я у соседей попрошу на один день, я видела у них котеночка.

Маргарита Викторовна и Марина любили кошек, но жило у них три собаки. Поэтому я пошла спрашивать разрешения о кошке на час.

– Можно от соседей кошку принести, мыши скребутся? – я подошла к Маргарите Викторовне, которая проверя-

ла, скрепит ли дверь, или ей просто кажется, – до вечера.

– Возьми, только следи, чтобы собаки не сцапали, – дверь все-таки скрипела, – я тоже слышала мышей. Вадима надо попросить, чтобы смазал, у него же масло в машине есть?

Я пошла к соседям, у них совсем не было двора – сразу вход в дом. Я постучала.

– Простите, а у вас кошка же есть? Можно нам ее взять до вечера, у нас мыши.

Мужчина кивнул и сходил в дом за трехцветной кошечкой.

– А как ее зовут? – он протянул на одной руке кошечку.

– Никак не зовем, – я спрятала ее морду к себе в куртку.

Я бы не дала чужой девочке, которая с детства мечтала о кошке, своего кота, пусть даже и до вечера.

Назвали ее Маруся, брали к себе, если видели, что она гуляет, а если не гуляет, то звали: «Маруся! Маруся!», и она выбегала. Сначала я одна ходила за кормом – она была вечно голодной и накидывалась на корм каждый раз, потом стала ходить Маргарита Викторовна. В один из выходных дней она сказала:

– Это не дело, вы как школьники: «А Маруся выйдет погулять?», – она взяла Марусю на руки, – поговорите с хозяевами, может быть, ее отдадут. Она им все равно не сильно нужна, если они ее не кормят; и не ласковая она, значит с детства не гладили.

– Мам, а собаки?

– Она боевая, ты же видишь какие у нее лапы большие, – Маргарита Викторовна вытянула Марусину лапу, – и бегают она быстро.

Соседи разрешили, Маруся оказалась самым главным лекарством от мышей, хоть ни одну она не поймала. Спала всегда в ногах и никогда сама не шла на руки.

Вадим поехал на дежурство дальше, а я осталась в огромном доме одна, но я не чувствовала себя одной, да я и не была одна, я же знаю что внутри меня есть кто-то крохотный, но он уже такой какой есть сейчас. Я вспомнила сказку, которая в детстве у меня была записана на кассете. Про принцессу, мама которой всю беременность ходила и смотрела на розы, поэтому она родилась такой красивой. После результатов стану каждый день рассматривать Айвазовского, обязательно начну рисовать, и буду больше читать.

Я полистала яркую кулинарную книгу грузинской кухни, Марина собирала серию этих книг, я взяла одну, переписать рецепты. Я люблю фасоль, всегда хотела научиться готовить лобио. В холодильнике нашла пару веточек кинзы, над печкой в хлопчатобумажном мешке висели грецкие орехи, в шкафу запечатанная упаковка фасоли.

Я открыла кран, вода обрызгала меня, теперь придется ходить в мокром платье. Буду делать все строго по рецепту – фасоль добавила после того как закипела вода, уменьшила огонь и забралась читать на стул классику мировой литера-

туры – «Унесенные ветром».

На часах уже пять, скоро придет Маргарита Викторовна. Вода в кастрюле практически вся выкипела, я быстро дорезала кинзу, измельчила орехи и все смешала. Хлопнула дверь.

– Что варишь? – Маргарита Викторовна с порога сразу прошла на кухню, – а лобио... оно у меня тоже никогда не получается. У Марины надо было спросить.

Поразительная способность определять уровень качества блюда, не попробовав. Вот что значит опытность. Сегодня суббота, а значит подойдет Марина, и они вдвоем будут обсуждать, какие технологические этапы я не соблюла. Я быстренько ретировалась в комнату.

– Мам, привет, – я легла поудобней, – на море сегодня ходила, шторма уже не было. Вы как?

– Папа еще с учебы не пришел, все нормально? – мама определила с трех тысяч километров мое настроение. Голос какой-то грустный.

– Да не, нормально. Сейчас механику буду учить, в понедельник лаба, надо подготовиться.

Ой, а ведь и правда. Но в понедельник можно пропустить, напишу потом на паре, он адекватный, разрешит. Вообще он меня пугал. У него была шишка размером с теннисный мячик, чуть выше левой брови, я думала, с таким невозможно ходить, но мало того что ходил, еще и настроение у него всегда хорошее.

Захотелось мороженого, я никогда не пробовала мороже-

ное-батончик. Интересно, оно такое же как и шоколадка? Ближайший магазин был через дорогу, но одеваться и идти мне не хотелось, значит не так сильно и хотелось мороженого.

Внизу улицы поднималась машина – это Вадик, только у него так гудит мотор или двигатель, или просто что-то с выхлопной трубой. Я вышла встречать, после долгого дня, мы оказались рядом, я повисла на нем.

– Я не знаю как у тебя в семье, – Маргарита Викторовна поставила кружку на стол, – но у нас в семье не показывают свои эмоции.

– Да ладно, мам, – Вадим снял фуражку, – мы просто обнялись, целый день друг друга не видели.

Она пожала плечами и ушла к себе. Год назад у нас были чудесные отношения: я приходила к ней на работу, ходила вместе с ней за мясом, обсуждали жизнь ее знакомых, – и пусть хоть кто-нибудь скажет, что так не делает, я ему не поверю. Но прошел год, после моего приезда, и наши отношения изменились – что-то среднее между покровительством и снисхождением. И конечно, я все делала не так как Марина, ее старшая дочь.

– Я тебе мороженое-баунти привез, – Вадик достал из кармана мороженое, – может быть, захочешь.

– Спасибо, спасибо – я потянула его в комнату, – как ты узнал, я хотела его попробовать.

Вадик постучал по виску:

– Просто я о тебе постоянно думаю, говорил же.

Тихий спокойный вечер, я вышла на улицу. Редкая машина проедет внизу улицы. Птицы уgomонились и легли спать, завтра вместе с солнцем надо начинать новый день. Пахнет морем, море оно не только у самого берега, оно начинается еще за двести километров до него, а может быть еще раньше – когда ты начинаешь ждать встречу с ним. Цвели тюльпаны, на ночь они сложили свои лепесточки в кулачок, но все равно можно было разглядеть их желтые бутоны.

– А ты чего здесь стоишь, – подошла Марина, сейчас будет кормит собак.

– Воздухом дышу, – я отодвинулась к стене, – сегодня тепло.

– Тепло, – она зачерпнула кашу и ляпнула в миску, – некоторые специально приезжают на юг и выходят замуж, только чтоб здесь жить.

Серьезно? Если бы я хотела просто выйти замуж с целью южной прописки, то я бы нашла какого-нибудь богатенького владельца гостиницы, или его наследника, это не являлось проблемой. Нет никаких проблем – два человека счастливы рядом, и без разницы, что думают по этому поводу родственники и окружение. Счастье – оно здесь и сейчас

– Что-нибудь случилось? – Вадик посмотрел из-за компьютера.

– Ничего, – я стала раздеваться, – играй, я лягу спать.

Следующий день Вадим дежурил в ночь, Маргарита Викторовна снова идет на работу, но поскольку воскресенье, то на час позже. Мы не слышали, как хлопнула входная дверь, и закрыли дверь. Наверное, в молодости никто не жалуется на сон. Моя бабушка встает в четыре, Маргарита Викторовна в пять и они чувствуют себя весь день нормально. Неужели я в старости буду так же праздно шататься, и пить кофе или цикорий по утрам и не хотеть спать?

В девять мы открыли глаза, повернулся замок – это Мари-на приходит кормить по утрам собак, сейчас возьмет огромную кастрюлю со скрюченными лапами и похлебкой, покормит, постоит с ними, и потом можно будет вставать.

– Чем сегодня будешь заниматься? – спросил Вадик между традиционными утренними поцелуями.

– Я пойду побегая, на тренажерах позанимаюсь.

– Может быть, лучше не бегать? Ну или чуть-чуть – тебе нельзя перегружаться.

Я ненавижу бегать. Можно плавать, играть в настольный теннис, бадминтон, кататься на лыжах и коньках. Люди бегают некрасиво – если бы гепарда и Усейн Болт побежали рядом, то это было похоже на соревнование двухколесного (пусть даже скоростного) велосипеда и Феррари. Но когда рядом море, и ты бегаешь для того чтобы твои клеточки обогатились йодом и микроэлементами, то бег становится не таким плохим времяпрепровождением. Еще неделю назад я

бегала на маяк, а потом заворачивала на набережную, где стоят тренажеры. Отличная программа, по поддержке здоровья населения.

– Получается, – я включила чайник, – я готовилась к беременности.

– Не мой, я помою, – Вадик быстро допил кофе, – как ты готовилась?

– Ну, я же уже месяц бегаю и на тренажерах качаюсь, – я потянулась за полотенцем, – давай буду вытирать.

Домашние обязанности, когда выполняешь вместе, становятся гораздо приятней.

Я оделась, взяла очки с комода. Их мне отдала мама, я была в классе седьмом, когда мама их себе купила, мы тогда поехали на озеро, а теперь я бегаю в них на море. Я посчитала месяцы, по идеи роды назначат на декабрь, а там как раз мамино день рождение, надеюсь, она будет рада такому подарку.

Дорог к морю много, но больше всего нравится дорога вдоль маленького ручейка, который сбегает по бетонному руслу. Чем ближе к морю, тем дома меньше были похожи на дома, а превращались в коробки с кучей окон. Люди, которые приезжают в такие дома и ходят на Центральный пляж думают, что они любят море. Как они могут его любить, если они не видели прозрачную воду в декабре и не купались в волны в январе?

Бежать вниз легко, я добежала до санатория, в котором

завтра скажут результаты. На маяк я поднималась пешком. На этот маяк меня отвел Вадим, в лето, когда мы познакомились.

Вадим пошел первым спускаться по крутому обсыпавшемуся склону:

– Руку, – сказал он и протянул мне руку.

– Я сама, спускайся, не жди меня.

Спуститься вниз по крутому склону, когда ты в юбке и твои балетки расклеились от морской воды и солнца, не так просто, а еще, если в это время ты хочешь унести главный приз «За грацию». Внизу было море, но к нему надо еще дойти, по мелкой каменной крошке, кто-то предусмотрительно бросил канат до самого низа.

– Давай помогу? – Вадик оглянулся.

– Не надо, – я хваталась за невысокую траву, спаленную солнцем.

У самого подножья заканчивался раскрошенный камень, и начинались огромные пласты камней – по таким было легко идти. Вадим взял меня за руку, первый парень, который это сделал. Море выносило мусор, он был везде.

– Что-то не очень романтично, – я показала на порванный мячик, выброшенный морем.

– Никто не чистит дикие пляжи.

– Дело не в том что чистят или не чистят, – на плече у него висело полотенце, – а ты купаться будешь?

– Я думал, ты будешь.

– Ой нет, я не люблю среди водорослей плавать, и мне лучше, там где буйки расставлены.

– Ты просто никогда не купалась на диких пляжах.

Я кивнула, мы каждый год приезжали с родителями на море, но я была такой же отдыхающей как и все, мне нравилось заточенное море, я еще не видела его настоящим.

Мы прошлись еще дальше, мусора меньше не становилось, Вадим постелил полотенце. Никого не было, даже чайки не носились и не орали. Ближе горизонта шел небольшой прогулочный корабль, который отходит от Центрального пляжа. Я посмотрела на Вадика, он едва наклонил голову и приблизился ко мне, я отвернулась – я не была готова к первому поцелую.

– Ты еще и спортсменка, – из машины вышел Гоша, друг Вадима, – неужели тебя Вадим отпускает одну бегать?

– Сама убегаю. Как дочка?

Месяц назад у него родился ребенок, это было неожиданно, мы не знали, что он станет папой, в октябре гуляли на свадьбе, а если конкретно – спали в машине. Свадьба была в летнем кафе, вечером стала совсем холодно, танцев не было, и Вадим предложил пойти в машину. Вадик включил печку, и мы уснули.

– Головку держит, Вадиму скажи, что нас уже пора догонять.

Я улыбнулась, и про себя подумала, что мы уже догоняем.

На тренажерах никого не было, я села на гребной тренажер, включила музыку и не стала заниматься. Кто знает, может быть, мне, в самом деле, нельзя напрягаться, и музыку слушать не хотелось, потому что любая музыка у меня будет ассоциироваться с этим временем, а я еще не подобрала подходящие для этих целей композиции. Я пошла по набережной, впереди меня шло две девушки.

– А ты хотела бы брата?

– Конечно, – та вздохнула, – чтобы бегал маленький такой по квартире. Я и сына бы хотела, не сейчас, позже. А ты?

– А у меня родители в разводе, но брат есть, больше не хочу. И детей не хочу.

– В разводе? – блондинка остановилась, – я не знала. Ты бы хотела, чтобы они были снова вместе?

– Хотела бы, но если это маме не надо, то и мне тоже. Главное с ней не ругаться.

У моих друзей у всех были полные семьи, и я никогда не думала, что чувствует ребенок, когда родители разводятся, только мам всегда говорила, что терпеть надо и не разводиться – это ранит детей, а тут оказывается что детям важней, чтобы маме было хорошо. Брат у меня есть, но я совершенно не помню, как он был маленький. Из всего его детства я помню, только, как меня оставили с ним одного, а он орал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.